

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Центральная Евразия

2(2) 2018

**КУЛЬТУРНО-СЛОЖНЫЕ ОБЩЕСТВА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НА КАВКАЗЕ**

Москва
ИВ РАН
2018

Номер подготовлен Центром изучения Центральной Азии, Кавказа
и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН

Главный редактор — А. Ю. Скаков

Заместитель главного редактора — Н. П. Космарская

Редактор-корректор — О. С. Капшоль

Верстка — О. Н. Морозова

Научные редакторы номера — Н. П. Космарская, А. Ю. Скаков

Члены редколлегии:

А. Д. Васильев, М. Ю. Роцин, И. С. Савин, А. В. Судьин

Журнал «Центральная Евразия» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72764 от 04.05. 2018 г.

ISSN 2618-7051

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения РАН.

Адрес редакции: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12.

Телефон: 8-495-621-37-43.

E-mail: CES@ivran.ru

Статьи номера являются результатом реализации проекта «Культурно-сложные общества в Центральной Азии и на Кавказе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН I.24 «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (2018–2020 гг.).

Формат 60×90/16.

Тираж 50 экз. Подписано в печать 17.12.2018. Заказ № 792

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ООО «Издательство МБА». Москва, ул. Озерная, 44

E-mail: izmba@yandex.ru

Интернет-версия: www.central-eurasia.com

Редакция не предоставляет справочной информации. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях. Рекламируемые товары и услуги подлежат обязательной сертификации. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Центральная Евразия», а также на сайте www.central-eurasia.com, допускается только с разрешения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

5 ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

- 7 *Аликбер АЛИКБЕРОВ*. Об уровнях макроанализа и микроанализа и возможностях их интеграции для изучения культурно-сложных обществ

15 КУЛЬТУРНО-СЛОЖНЫЕ ОБЩЕСТВА: МАКРОИСТОРИЯ

- 17 *Даниил МЕЛЕНТЬЕВ*. Научно-популярные кружки и общества в колониальном и советском Туркестане: имперская интеллектуальная элита на мусульманской окраине
- 37 *Анджей ВЕЖБИЦКИ*. Исторические, политические и социально-экономические аспекты номадизма и трайбализма у народов Центральной Азии
- 64 *Александр СКАКОВ*. Абхазия в 2018 году: перспективы «абхазского проекта», вызовы и возможности
- 93 *Нури БАГАПШ*. Динамика этнической структуры населения современного Сухумского района (1868–2011 гг.)
- 100 *Михаил РОЩИН*. Особенности бытования православия в Южной Осетии
- 106 *Андрей СУДЬИН*. Юбилей единения в Мордовии

117 КУЛЬТУРНО-СЛОЖНЫЕ ОБЩЕСТВА: МИКРОУРОВЕНЬ АНАЛИЗА

- 119 *Гульнара ДАДАБАЕВА*. Русскоязычное население Алма-Аты: можно ли выстроить свое социальное пространство через озеленение дворов?
- 135 *Артем КОСМАРСКИЙ*. Вежливый отказ от конфликтов: к антропологическому объяснению «стабильности» постсоветского Узбекистана
- 149 *Мария КОСТРОМИЦКАЯ*. Сибирь как место памяти современных поляков

165 СОЧЕТАНИЕ МИКРО- И МАКРОУРОВНЕЙ АНАЛИЗА

- 167 *Андрей ГРОЗИН*. Религиозный экстремизм в Центральной Азии: основные причины появления в оценках экспертов региона
- 186 *Нателла АКАБА*. Роль международных и межгосударственных организаций в урегулировании грузино-абхазского конфликта

НАУЧНО–ПОПУЛЯРНЫЕ КРУЖКИ И ОБЩЕСТВА
В КОЛОНИАЛЬНОМ И СОВЕТСКОМ ТУРКЕСТАНЕ:
ИМПЕРСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА
НА МУСУЛЬМАНСКОЙ ОКРАИНЕ

МЕЛЕНТЬЕВ Даниил Вячеславович

Национальный исследовательский университет

Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-mail: back-in-95@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию европейской интеллектуальной элиты в Туркестане на фоне становления, развития и упадка научно-популярных кружков и обществ в этом регионе в имперский период (после 1865 г.). Показаны особенности возрождения этих просветительских организаций в советском Туркестане. Затрагиваются такие сюжеты, как отношение политических структур к кружкам и обществам в имперский и советский периоды; взаимодействие интеллигенции и власти; формы участия прибывшей из России интеллигенции в строительстве высшей школы в регионе, в становлении архивного дела и учреждений по охране и изучению историко-культурного наследия Туркестана.

Ключевые слова: власть, знание, история науки, просвещение, археология, научно-популярные кружки и общества, Туркестан.

В культурной жизни Средней Азии вторая половина XIX — начало XX в. отмечены распространением европейской системы просвещения (после завоевания региона Российской империей в 1865 г.). Изменение политического ландшафта посредством сложной системы протекторатов, передвижение прежних границ среднеазиатских ханств, создание Туркестанского генерал-губернаторства (1867 г.) способствовали проникновению западной системы ценностей в жизнь патриархального общества. Чем дальше находились в Туркестане чиновники колониальной администрации, ученые, деятели образования, тем в большей мере они начинали осознавать свою ответственность за развитие региона; у них появлялось желание влиять на окружающий социум, в том числе на местное население. Проявлялась частная инициатива по созданию различных просветительских организаций, в частности научно-популярных кружков и обществ, получивших широкое распространение в имперском Туркестане. После Октябрьской революции европейская интеллигенция стала главной движущей силой реформ в Туркестане, реализуя образовательные и культурные проекты, которые разрабатывались в просветительских организациях имперского периода.

Статья рассматривает становление научно-популярных кружков и обществ в Туркестане позднего имперского периода и в первые годы совет-

ской власти. Мы сравним политику Российской империи и СССР в области науки и просвещения, когда идеологическая конъюнктура задавала разные векторы развития научных и образовательных институтов. Изучение просветительских организаций выводит на актуальную проблематику взаимодействия власти и знания, связи между интеллигенцией и государственными органами в Российской империи и СССР (на примере Туркестана). Данная тема уже изучается применительно к старейшим университетам России (Вишленкова, Ильина 2017: 65–107), но по отношению к туркестанским реалиям этот сюжет еще не раскрыт.

Культурная политика колониальной администрации Туркестана

После завоевания Российской империей положение культуры, образования, науки и других сфер жизни в Туркестане во многом определял генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882 гг.). Влияние этой личности на жизнь колониального Туркестана трудно переоценить. При Кауфмане Ташкент становится витриной русского присутствия и культурным центром региона (Горшенина 2012: 186–205). Здесь лучше всего была развита европейская система образования (приходские и русско-туземные школы), возникло несколько библиотек и музеев. Ярким моментом в культурной жизни Ташкента стало появление первой в Средней Азии Туркестанской публичной библиотеки (1869 г.), которая также была открыта по инициативе К. Кауфмана (Добромыслов 1912: 253).

Из воспоминаний востоковеда и инспектора народных училищ Туркестанского края Н. Остроумова мы узнаем, что К. Кауфман уделял большое внимание просвещению, особенно образованию местных жителей (Остроумов 1899: 9). Вместе с тем он был инициатором политики невмешательства в дела коренного населения, благодаря которой при имперской власти в Туркестане число традиционных религиозных учреждений (мечетей, мактабов и медресе) значительно выросло (Бабаджанов 2017: 104–156). Подобное толерантное отношение связано с тем, что в Средней Азии Российская империя предпочла путь мягкой ассимиляции коренного населения и отказалась от форсированных социально-политических и культурных изменений (Morrison 2012: 327–364).

Спокойное отношение имперской власти положительно сказалось на развитии мусульманской системы образования, чего нельзя сказать о частных просветительских проектах европейцев. В конце 1860-х гг. в Туркестане появились первые просветительски ориентированные научно-популярные кружки и общества. Эти организации не пользовались поддержкой государства по нескольким причинам. Во-первых, со временем они становились местом концентрации политических оппонентов царизма — социалистов, которых отправляли в ссылку в Туркестан, подальше от больших городов. Во-вторых, в перспективе кружки и общества могли стать конкурентами власти за позитивный имидж просветителя «бескультурных и полудиких народностей». В-третьих, в Туркестане довольно часто менялись генерал-губернаторы, что не могло положительно повли-

ять на дела края, в частности на состояние просвещения (Котюкова 2016: 33–53)¹. Некоторым чиновникам назначение в Туркестан казалось унижением, они рассматривали его как ссылку. Отсутствие поддержки кружков и обществ со стороны государства считалось нормальным, поскольку прогрессистские просветительские организации нередко расценивались как маскировка политической деятельности.

Этапы развития научно-популярных кружков и обществ

Просветительские организации Туркестана работали в специфических условиях, пытались находить средства на создание и содержание инфраструктуры. В их становлении просматриваются определенные стадии. Первоначально кружки — это собрания чиновников из колониальной администрации и ссыльных интеллектуалов-социалистов, интересующихся наукой. Они не ставили перед собой серьезных задач по созданию библиотек, музеев, университетов, не имели плана развития, устава, не фиксировали прибытия и выбытия членов. Участники кружков руководствовались в своей деятельности личными причинами, во многом задействовали неформальные связи. У людей, которые волей-неволей имели ограниченный круг общения, появлялись общие интересы, кроме того, появлялось осознание принадлежности к интеллектуально возвышенному слою в туркестанской общественной стратификации. Чувство моральной ответственности побуждало к практической деятельности. Со временем формулируются цели работы кружков, пишутся программы. Пытаясь их реализовать, участники привлекают внимание общественности, прессы. Таким образом кружок превращается в общество формально, а после составления устава и его утверждения властями — официально. Для того чтобы создать общество, интеллектуалы задействовали связи с властью и научным сообществом, привлекали нужные ресурсы, искали кооперации с российскими университетами. В последнем случае обществу начинали навязывать сферу деятельности, приоритеты расставлялись в зависимости от нужд государства.

Курс на создание единообразной системы образования и привязку научных изысканий к практическим потребностям сложился во времена Николая I (1796–1855 гг.). В конце 1850-х гг. эта политика напрямую затронула высшую школу России (Кусбер 2018: 425–454). Примером может служить факультет восточных языков Петербургского университета. Ученые несколько лет сопротивлялись вмешательству власти в дела университета, отстаивая принцип автономности и аполитичности. В 1884 г. Петербургским университетом был принят новый устав, где в учебной программе восточного факультета практические нужды превалировали над научными (Тольц 2013: 133). Ход событий был логичным и закономерным, поскольку в России университеты изначально являлись государственными учреждениями, а профессора ощущали себя не свободными служащими

¹ За 50 лет (с 1867 по 1917 г.) в Туркестане сменилось 13 генерал-губернаторов; дольше всех на своем посту пребывал К. Кауфман (15 лет), остальные — от года до пяти лет.

ми науки, а исполнителями заказа правительства (Вишленкова, Галиуллина 2012: 82). К концу XIX в. автономность научных обществ постепенно сходит на нет. Они стараются обеспечить одновременно научное изучение и практическое освоение региона. Для популяризации знаний научные кружки и общества проводят лекции на занимательные темы для всех желающих расширить кругозор. Именно поэтому кружки и общества стали называть научно-популярными.

В состав обществ намеренно включают людей, не имеющих отношения к академической деятельности, в частности представителей местной торговой элиты, например купцов, фабрикантов, которые становятся основными меценатами. Если жертвователи теряют интерес и прекращают спонсирование, то организация постепенно угасает. Чаще всего богатые люди входят в крупные общества, поддерживаемые университетами. Конечно, прекращение деятельности организаций обуславливают и другие причины: отсутствие явных лидеров, недостаточная поддержка со стороны российского академического сообщества.

На следующем этапе научно-популярные кружки и общества полностью подчиняются государственным интересам. На первое место выходит их научная состоятельность с точки зрения изучения истории, географии, геологии, этнографии региона. Общества собирали информацию о правилах ведения торговли в Средней Азии. Их участники изучали механизмы функционирования местных экономических моделей, искали новые торговые маршруты, выявляли наиболее ходовые товары и пр. Изучение торговли было важной компонентой в борьбе против распространившегося в регионе и за его пределами влияния Британской империи, которая активно выходила на новые рынки через Индию.

До революции общества старались проводить публичные чтения в больших городах Туркестана: Ташкенте, Самарканде. Послушать лекции приходили в основном сотрудники российской администрации вместе с родственниками и знакомыми. Приходили и обычные жители, но не местные мусульмане, а оказавшиеся здесь волею судеб европейцы: русские, немцы, евреи, поляки и др.

От кружка к обществу

Первый кружок образовали единомышленники во главе с предприимчивым П. Хомутовым. В 1870 г. Хомутов был отправлен в ссылку в Ташкент за свои социалистические убеждения. На новом месте он занимался переводами на русский язык научной литературы, перевел 12 томов «Жизни Христа» Э. Ренана, работу И. Гаури «Ислам в его влиянии на жизнь его последователей» (Лунин 1962: 38–39). Круг знакомств П. Хомутова постепенно расширялся за счет выпускников российских университетов, по большей части добровольно прибывавших в Туркестан, питавших к нему праздный и научный интерес. Они организовывали встречи в домашней обстановке, чтобы порассуждать о возможностях улучшения местной культурной жизни. Среди знакомых П. Хомутова были зоолог Н. Северцов,

биолог и географ А. Федченко; активным участником кружка стал биолог и географ В. Ошанин (Лунин 1962: 40–50). Позже к ним присоединился революционер Г. Лопатин, бывший студент Петербургского университета и участник социалистического кружка, за что его и сослали в Ташкент. Г. Лопатин был первым переводчиком «Капитала» К. Маркса на русский язык (Аттали 2013: 288).

В кружке царил непринужденная атмосфера: его члены открыто обсуждали общественные проблемы, научную литературу, художественные произведения русских и зарубежных писателей, социально-политические начинания участников, новости и многое другое. Таким образом складывалась туркестанская интеллектуальная элита. В литературе принято называть этот кружок хомутовским, хотя это не было его самоназванием. В силу отсутствия устава трудно определить хронологические рамки его существования.

Примером коллективной инициативы в Туркестане служит Среднеазиатское ученое общество (САУО). Сформировалась инициативная группа, объединенная стремлением приложить свои знания по этнографии, географии и истории для научного освоения новых территорий империи (Добромыслов 1912: 301). Председателем стал горный инженер А. Татаинов; в состав общества также входили Г. Аминов, Н. Аристов, Н. Бекчурин, А. Кун, Н. Маев, А. Федченко и др. Стремясь получить признание со стороны властей, представители общества направили заявление на имя Кауфмана, и тот ответил положительно. Датой основания общества считается 1870 г., со временем оно выработало устав и стало собирать членские взносы. Своей целью общество сочло всестороннее изучение Средней Азии и развитие диалога между европейской и местной культурами. Предполагалась публикация печатных материалов САУО на русском и местных языках (Лунин 1962: 72–73). В 1871 г. А. Кун предложил создать в Ташкенте музей, соответствующее прошение было направлено в канцелярию генерал-губернатора. Представитель имперской власти отнесся к такой инициативе сдержанно и не ответил на запрос. Через пять лет туркестанская администрация вспомнила о ходатайстве, разрешив создать музей. Его открыли в декабре 1876 г., но само САУО уже прекратило существование (Лунин 1962: 85).

Филиалы российских научно-популярных обществ в Туркестане

15 октября 1863 г. при Московском университете было открыто Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Инициаторами создания туркестанского отдела ОЛЕАЭ выступили А. Федченко, Н. Маев, М. Бродовский, В. Ошанин и др. (Бендриков 1960: 161). Структура общества формировалась по устоявшейся схеме: сначала неофициальные собрания, затем составление устава. Первое заседание отдела состоялось 1 декабря 1870 г., участники обсуждали устав и полномочия общества: организацию научных чтений; составление коллекций, устройство краеведческого музея, зоологического и ботанического сада, организацию вы-

ставок, экспедиций и экскурсий (Лунин 1962: 90). Туркестанский филиал содействовал Московскому университету в организации политехнической выставки в Ташкенте. Состав ее секций (географическо-статистическая, естественно-историческая и этнографическая) был призван познакомить посетителей с бытом, культурой и народной медициной региона.

После выставки жизнь туркестанского отдела проходила в постоянных обсуждениях путей будущего развития общества. Его члены организовали активную издательскую деятельность, на повестку дня было вынесено предложение о создании библиотеки, но о конечной судьбе этого мероприятия информации нет. 12 января 1872 г. состоялось отчетное собрание, где подводились итоги работы за год. Главными событиями стали организация выставки и подготовка к печати сборника «Русский Туркестан» (Лунин 1962: 98). Активная жизнь туркестанского отдела ОЛЕАЭ продолжалась вплоть до отъезда А. Федченко. Никто из остальных участников не захотел брать на себя его функции. Постепенно деятельность отдела сошла на нет, тем более что московское (головное) отделение потеряло интерес к Туркестану.

Развитие технических наук в Туркестане

В 1866 г. в Санкт-Петербурге открылось Русское техническое общество (РТО), которое стало первой научно-технической организацией, созданной в Российской империи. Общество оказывало консультационную помощь промышленникам и инженерам, проводило выставки, открывало училища, школы и мастерские для детей и взрослых, организовывало публичные чтения для популяризации технических знаний. Было налажено издание тематических журналов, справочников и словарей. РТО имело несколько отделений, которые занимались развитием железнодорожного сообщения. После завоевания Туркестана властям стало ясно, что закрепление в регионе требует строительства инфраструктуры, которая обеспечит экономическое развитие (Волков 2013: 92–98). В 1881 г. была сдана в эксплуатацию дорога Оренбург–Ташкент, заложена Закаспийская ветка. К ее строительству было приковано внимание со стороны военных и инженеров европейских держав, которые реализовывали похожие проекты в своих колониальных владениях (Горшенина 2013: 258–273).

Параллельно с железнодорожным строительством из России в Туркестан стали прибывать представители силовых ведомств, военные инженеры, среди которых были члены РТО (История Ташкента 1988: 198). Влившись в туркестанский социум и познакомившись с работой просветительских кружков и обществ гуманитарного профиля, они инициировали открытие туркестанского отделения РТО (ТОРТО) в 1891 г. Общество стремилось развивать технический прогресс и промышленность в регионе. Просветительская деятельность ТОРТО заключалась в распространении информации о технологических новинках, в том числе и посредством публичных лекций (Лунин 1962: 106). Была создана библиотека, где хранилась литература по техническим и смежным наукам. Важной вехой в

жизни отделения стала работа по подготовке Туркестанской сельскохозяйственной и промышленной выставки (1899 г.), приуроченной к постройке железной дороги из Ташкента в Андижан. Кульминационным для ТОРТО стал 1899 г., поскольку государственный заказ по строительству железнодорожных артерий был выполнен, а сохранение общества оказалось не приоритетной целью. Таким образом деятельность ТОРТО постепенно сошла на нет.

Медицинские научно-популярные общества Туркестана

Первые научно-популярные медицинские общества открылись в России в начале XIX в. После Крымской войны появилось много инвалидов и изувеченных солдат, которым был нужен как морально-духовный, так и медицинский уход. Эту задачу взяли на себя научно-популярные медицинские организации.

Европейские практики оказания медицинской помощи пришли в Туркестан вместе с российскими войсками. Коренное население пользовалось услугами *табибов* — непрофессиональных лекарей, применявших народные средства и магию. Санитарно-гигиеническая ситуация в Туркестане была ужасной, и Ташкент не был исключением.

Научно-популярные медицинские общества в первую очередь заботились о лечении больных, развитии здравоохранения, модернизации превентивной помощи населению, пропаганде знаний о личной гигиене в виде лекций для всех желающих. В начале 1880-х гг. в регионе открылись первые медицинские учреждения, их создали Н. Гундиус, А. Пославская и Е. Мандельштам. Благодаря энтузиастам в 1883 г. в старой части Ташкента открылась первая амбулатория для женщин и детей, годом позже открылась женская лечебница в Коканде, а потом и в других городах региона. Развитие медицины улучшило демографические показатели и санитарно-экологические условия проживания, особенно в крупных городах (Шадманова 2017: 119–139). Немалую роль в становлении медицинского обслуживания на местах сыграли научно-популярные медицинские организации: Общество туркестанских врачей, Туркестанское медицинское общество, Общество естествоиспытателей и врачей Туркестанского края, Самаркандское общество врачей и др.

Ферганское медицинское общество (1892 г.) способствовало профессиональному росту медиков, ветеринаров, фармацевтов, а также внедрению в практику достижений врачебной науки (Лунин 1962: 180). На его заседаниях обсуждали темы, обусловленные насущными проблемами Туркестана. Разрабатывались меры, с тем, чтобы снизить распространение холеры, создать инфраструктуру для изоляции заболевших. Готовился выпуск брошюр на местных языках с информацией, которая помогла бы избежать заражения. Члены общества читали публичные лекции о гигиене и противодействии холере и чуме. Общество не имело государственной поддержки, и существовало на членские взносы. Содержание собственной библиотеки оказалось для общества тяжелым делом (Лунин 1962: 182).

В начале XX столетия деятельность Ферганского медицинского общества прекратилась.

Развитие археологических исследований в Туркестане

Историко-культурные богатства региона первое время привлекали только антикваров и коллекционеров. В 1867 г. археолог П. Лерх начал работу по изучению исторических объектов Туркестана. В 1883 г. В. Крестовский провел раскопки на Афрасиабе (Лунин 1958: 23). В 1885 г. востоковед Н. Веселовский развернул активные археологические изыскания в Самарканде, в долине Аму-Дарьи, в Фергане и в других историко-культурных центрах Туркестана (Лунин 1979: 40–69). В 1893 г. в Туркестан прибыл востоковед В. Бартольд, ставший инициатором создания общества, которое стало бы местным археологическим центром (Бартольд 1977: 485–487). Подготовительные работы шли около двух лет. 11 декабря 1895 г. открылся Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА). Основная деятельность ТКЛА была связана с изучением памятников старины, находящихся в пределах Туркестанского края, их описанием и нанесением на археологическую карту, проведением раскопок (Лунин 1958: 44). Кружок существовал на частные пожертвования (Лунин 1958: 50), причем среди благотворителей были и местные бай. Состоятельные люди финансировали археологические исследования российских ученых, поскольку за это можно было получать торговые льготы.

Члены ТКЛА строили большие планы по развитию археологии в регионе. Однако на практике деятельность кружка ограничивалась выполнением разведочных работ и небольшими раскопками, а находки носили случайный характер (Историческая наука 2014: 126–129). На заседании 25 сентября 1899 г. рассматривали предложение открыть филиал ТКЛА в Самарканде. Вероятнее всего, не удалось получить разрешение генерал-губернатора или найти финансовую поддержку (Лунин 1958: 59). В позднеимперский период была проведена только небольшая археологическая работа, ее низкий технический уровень в какой-то мере способствовал разрушению памятников.

В дальнейшем в деятельности кружка не наблюдалось попыток расширения базы исследований, привлечения новых членов, создания сети филиалов. Члены ТКЛА публиковали аналитические работы и переводы восточных рукописей, посвященных истории, археологии, антропологии, нумизматике. На протяжении долгого времени кружок оставался жизнеспособной организацией, но работа ученых была плохо скоординирована, и туркестанская археологическая школа так и не сформировалась. В 1917 г. ТКЛА распался: скорее всего, не все его участники приняли советскую власть.

Становление туркестанской школы востоковедения

В России, как и в Европе, с интересом следили за Востоком, причем этот интерес не был лишен меркантильного компонента. Империям нужны были всеобъемлющие знания об истории, культуре, экономическом, торговом и промышленном развитии народов Востока (Лунин 1962: 128). Развитие востоковедения на колонизированных территориях могло помочь решению этой задачи.

29 февраля 1900 г. было создано Петербургское общество востоковедения. Практически сразу была предпринята попытка создать филиал — ташкентское отделение Общества востоковедения (Лунин 1965: 59). Оно задумывалось как платформа для изучения Туркестана, которая послужит установлению непрерывного контакта с учеными, работающими в регионе. Важной целью общества являлось изучение стран, граничащих с Туркестаном. Ташкентское отделение должно было способствовать распространению знаний о России среди восточных народов, знакомить европейскую и российскую публику с материальной и духовной культурой мусульманского Востока (Лунин 1962: 127).

Поскольку речь идет о научно-популярном обществе, особое внимание уделялось просвещению. Ташкентскому отделению предписывалось содействовать публикации исследований, открывать библиотеки и читальни. В Ташкенте открыли курсы восточных языков, читали лекции, на которых особое внимание уделялось антропологическим, историческим и религиозным сюжетам (Лунин 1962: 128).

Председателем общества был избран помощник туркестанского генерал-губернатора генерал Е. Мациевский. На годовом собрании отделения 26 марта 1902 г. в члены правления ввели Н. Остроумова, С. Граменицкого, Н. Маллицкого, И. Краузе и И. Ягелло. Позднее состав правления расширили до 12 человек, включая четырех представителей местной элиты: С. Азимбаева, М. Магометова, М. Аюпова и М. Ходжаева (Лунин 1962: 130). Ташкентское отделение Общества востоковедения было тесно связано с Ташкентской офицерской школой восточных языков (История Ташкента 1988: 199–200), где члены общества читали лекции по географии, этнографии, истории и другим предметам.

Из-за разгоревшейся революции 1905 г. деятельность отделения приостановили. После стабилизации политической обстановки члены общества обратились к администрации с просьбой снять запрет на работу, но получили отказ (Лунин 1962: 143). С 1909 по 1914 г. ташкентское отделение Общества востоковедения работало неофициально. Известно, что в 1916 г. общество помогало мусульманкам изучать русский язык на курсах и в начальной школе грамотности (Лыкошин 1916: 227).

Туркестанская интеллектуальная элита и советская власть

Ко времени Октябрьской революции 1917 г. академическое сообщество Туркестана накопило богатый опыт взаимодействия с университетами и

властью. Когда царизм остался в прошлом, у местной европейской элиты появилась возможность реализовать проекты, зародившиеся в научно-популярных кружках и обществах. Большевики поддерживали стремление туркестанской интеллигенции развивать науку и содействовали реализации просветительских программ. Первым шагом советского правительства стало решение о создании высшей школы в Туркестане. 19 января 1918 г. на IV Туркестанском чрезвычайном съезде была принята резолюция о создании Туркестанского народного университета (ТНУ) и Рабоче-дехканского университета (РДУ) (РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 383. Л. 6). Стоит отметить, что ТНУ задумывался с целью объединить сохранившиеся в Туркестане научно-популярные кружки и общества (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 12).

В послереволюционной суматохе новой власти не хватало грамотных кадров, особенно в науке и культуре, поэтому при организации Народного комиссариата просвещения (НКП) большевики входят в кооперацию с интеллигенцией. С ее помощью начинается создание инфраструктуры начального и среднего советского образования. В разных частях Ташкента организуются школы, детские сады, курсы для подготовки учителей (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 36). На академическое сообщество Туркестана была возложена просветительская миссия. В ТНУ были организованы воскресные публичные слушания; преподаватели читали лекции на курсах не только при университете, но и при НКП (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 59–60).

Местные научно-популярные кружки получили неожиданный стимул для развития. Теперь они позиционировались как вспомогательные организации при университете, предназначенные для студентов. Одним из инструментов ликвидации безграмотности стала созданная в Ташкенте в сентябре 1918 г. Туркестанская педагогическая лаборатория (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 89. Л. 69).

До революции в составе многих научно-популярных кружков и обществ находились востоковеды. Их участие в создании туркестанского вуза, возможно, обсуждалось в начале XX в. в Ташкентском отделении Петербургского общества востоковедения, но дальше дискуссий дело не продвинулось из-за косности колониальной администрации и противодействия В. Розена и его ученика В. В. Бартольда (Лунин 1983: 85–131). Уже в советское время, 16 октября 1918 г., был открыт Туркестанский восточный институт (ТВИ). В работе по организации института живейшее участие принимал востоковед М. Андреев, ставший его ректором (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 100). Работа института была нацелена на изучение истории, быта, культуры и языков местного населения Туркестана, подготовку кадров ученых-востоковедов и переводчиков (Ахунов, Лунин 1970: 39).

Создание архивного дела в Туркестане

Прибывшая из европейской части России интеллигенция уже имела опыт строительства государственных институтов в Туркестане. Было из-

вестно о существовании множества письменных источников, важных для изучения истории Туркестана и будущего национального размежевания. Требовалось собрать материалы и систематизировать их в фонды, наладить архивную работу. С этой целью в мае 1920 г. туркестанское Главное управление архивным делом (Гуардело) было реформировано в Центральное управление архивным делом Туркестанской Республики (Цуардело). Его руководителем был назначен Д. Нечкин (Исакова 2009: 8–13). На Цуардело возлагались обязанности по управлению архивным делом и государственным архивным фондом Туркестана.

Центральный отдел располагался в Ташкенте, филиалы открылись в Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Закаспийской и Амударьинской областях (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 70. Л. 8). Цуардело состояло из семи отделов. Для нас представляют интерес научно-статистический отдел, отдел инспекции, редакционный совет, отделы государственного архивного фонда и управления областными архивными фондами. Научно-статистический отдел был занят общей каталогизацией и описанием архивных фондов. Систематизированный материал помещали в библиотеку научно-статистического отдела для хранения (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 70. Л. 11). Редакционный совет обеспечивал издание трудов на русском языке, перевод и издание памятников на восточных языках, посвященных истории Туркестана и сопредельных стран (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). Отдел государственного архивного фонда формировал его из архивов правительственных учреждений, гражданских, военных структур и высшего духовного ведомства, архивов частных лиц, имеющих историческое значение. Государственный архивный фонд разделил документацию на восемь секций: административно-дипломатическую, юридическую, военную, просвещения, экономическую, историко-революционную, восточную секции и секцию советских печатных изданий (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 70. Л. 14). Секция просвещения объединяла архивы Н. Остроумова, всех учебно-воспитательных учреждений, гражданских и военных ведомств, организаций научного и просветительного характера, бывшего духовного управления. Восточная секция содержала архивы местного мусульманского духовенства, вакуфных учреждений, дервишских орденов, народных судов (казиев, биев). После объединения документации в фонды перед секциями была поставлена задача подготовить их к публикации (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 70. Л. 15–16).

Возрождение научно-популярных обществ

Цуардело содействовало не только институциональному становлению архивов Туркестана, но и возрождению просветительских организаций. Согласно декрету ТуркЦИКа от 30 января 1920 г., на Цуардело была возложена ответственность за организацию туркестанских географического и археологического обществ (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 124 об.). Советская власть инициировала открытие научно-популярных объединений. Заинтересованными в возрождении обществ, пусть и на новых основаниях,

были интеллектуалы из ТНУ, ТВИ и отделов искусств, музеев и библиотек НКП. Туркестанское отделение Русского географического и археологического общества составило единообразный устав, утвержденный 21 марта 1920 г. (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 124 об.). За воссозданные научно-популярные общества стал отвечать экономист и партийный деятель Ш. Двойлацкий (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 124 об.). Ожидалось, что после реорганизации Академии наук туркестанские научно-популярные общества войдут в ее состав.

В 1920 г. было реанимировано Среднеазиатское ученое общество (САУО), его стал курировать ТНУ. В 1920 г. в ТВИ прибыл В. Бартольд, командированный НКП в Туркестан на помощь местным кадрам (Умняков 1926: 175–202). Во время командировки он составил долгосрочный план исследовательских работ в регионе и представил его на публичном собрании САУО. По поручению Академии истории материальной культуры В. Бартольд провел исследование местных рукописных артефактов, собрал сведения о состоянии памятников Туркестана, лично проинспектировал реставрационные работы в Самарканде (Бартольд 1966: 248).

В советский период научно-популярные общества становятся полуавтономными центрами, получающими финансовую, организационную и идеологическую поддержку со стороны государства, научного сообщества и высшей школы. Изменилась не только культурная политика — ученые стали ближе к власти, а роль знания в социально-политическом развитии выросла.

Проблема сохранения древнего культурного наследия Средней Азии

В Европе современные представления о ценности памятников старины начали формироваться после Французской революции 1789 г. и были продиктованы своего рода романтическим национализмом. Советская политическая система во многом опиралась на французский опыт. Новые элиты стремились к трансформации коллективной памяти и идентичности, в том числе посредством апелляции к культурному наследию, ко всему тому, чем нация может гордиться и чем она отличается от других, переосмыслению истории (Gorshenina, Tolz 2016: 77–115). Именно так происходило и в Туркестане (Горшенина 2013: 52–68). При новой власти стало поощряться развитие национальных культур и идентичностей, создание музеев на местах.

В 1918 г. в Самарканде начала работать Комиссия по спасению памятников старины (Самкомстарис), главой которой стал В. Вяткин (Шамукарамова 2009: 46–51). В 1920 г. была проведена инспекция всех архитектурных памятников Самарканда и Бухары. Результаты не внушали оптимизма: шедевры средневековой культуры находились в плачевном состоянии. В. Вяткин сообщил в Ташкент и Москву о необходимости немедленно разработать план по спасению памятников. Некоторые партийные руководители в Москве относились к этому скептически (Горшенина 2013: 52–68). Центр отказался выделять финансовую помощь на восстановление

нию памятников в Туркестане, но Ташкент, наоборот, поддержал ученых Самарканда. 22 мая 1921 г. СНК ТАССР принял положение об организации в Ташкенте Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), отвечающего за материальное и культурное наследие. Комитету поручили контроль за всеми музеями Туркестана, регистрацию исторических памятников (архитектурно-археологических и природных), охрану культурного наследия Туркестана. Просветительская миссия комитета заключалась в проведении лекций и экскурсий для широких масс населения (РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 73. Л. 34). При Туркомстарисе был создан совет, ответственный за научно-техническое руководство реставрационными работами.

* * *

Развитие науки в регионе стало возможным во многом благодаря просветительским организациям, созданным прибывшими сюда жителями европейской России. Научно-популярные кружки и общества заложили фундамент развития исследовательской инфраструктуры в Туркестане, стали базисом его научного изучения. Как правило, эти учреждения располагались в Ташкенте, который стал политической и культурной столицей Туркестана.

Главной целью создания научно-популярного кружка или общества являлось просвещение народа вне зависимости от этнокультурной или конфессиональной принадлежности. Каждое общество старалось создавать библиотеки, музеи, проводить открытые лекции для желающих, издавать собственные информационные листки и брошюры на разных языках, сотрудничать с местной прессой ради популяризации знания. Лекции в основном посещали представители европейской административной прослойки низшего и среднего звеньев.

Несмотря на все усилия, просветительским организациям не удалось добиться популяризации знаний среди широких народных масс. Препятствием можно считать опасения государственных чиновников. Они считали инициативы туркестанских интеллектуалов во многом проявлением частного интереса, предполагали, что научно-популярные кружки превратятся в политические.

В то же время государство стремилось использовать наработки обществ в своих целях, например для освоения торговых маршрутов в регионе и вывода российских товаров на новые рынки сбыта. Для этого поощрялись исследования культуры, местных языков и традиций. Интерес к «туземному» быту имел и иное основание: Россия старалась уменьшить влияние Британской империи в Средней Азии.

Научно-популярные кружки и общества в колониальном Туркестане зачастую распались из-за отсутствия харизматического лидера. По мере приобретения опыта работы на местах интеллигенция, прибывшая из европейской части России, осознавала своего рода моральную ответственность перед местным социумом. Участники кружков старались легализовать свою деятельность, оформив уставы. Затягивание процесса лега-

лизации со стороны власти разрушало кружки, поскольку активисты, не наблюдая заинтересованности «наверху», отказывались от своих планов. Власть привлекала местные торговые элиты к спонсированию обществ, что зачастую имело коррупционную подоплеку. После достижения своих целей богачи прекращали имитацию благотворительной деятельности и отказывались помогать обществам.

Негативную роль сыграли и центральные университеты, которые использовали туркестанских интеллектуалов и их начинания, зная, что местным ученым будет трудно отказаться от своих проектов. Российские университеты пытались создавать в Туркестане филиалы уже существующих обществ; руководство крупнейших вузов координировало их деятельность, направляя в Туркестан своих исследователей. Туркестанцы выражали готовность стать частью российской науки, избавиться от маргинальности и замкнутости, интегрироваться в общеимперское научное сообщество. Тем не менее, после того как туркестанские филиалы выполняли поставленные перед ними задачи, центральные учреждения теряли интерес к дальнейшей работе и самоустраивались. Кружки старались продолжать начатую работу, но без поддержки университетов это было затруднительно.

В советский период научно-популярные общества обретают больший авторитет и получают необходимую поддержку. В коммунистическом Туркестане интеллектуальная элита становится частью новой власти. С 1917 по 1920 г. инициатором новой культурной политики в Туркестане выступала именно европейская интеллигенция. Большевики поддерживали устремления научного сообщества Туркестана: несмотря на послереволюционный хаос, в 1918 г. открыты Туркестанский народный университет, Рабоче-дехканский университет и Туркестанский восточный институт.

Туркестанское научное сообщество участвовало также в становлении государственных учреждений, связанных с просвещением, архивным делом, охраной культурного наследия, созданы НКП (1918), Цуардело (1920), Туркомстарис (1921). В советском Туркестане возобновляют свою деятельность САУО, ТОРГО и ТКЛА. К середине 1920-х гг. общества становятся активными участниками национального и культурного строительства в регионе.

Источники и материалы

- РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 383. Л. 6.
- РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 12–83.
- РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 100.
- РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 70. Л. 8–18.
- РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 73. Л. 34–37.
- РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 89. Л. 69–70.
- РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 123–125 об.
- РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3421. Л. 4–23.

Научная литература

- Аттали Ж.* Карл Маркс: Мировой дух / пер. с фр. Е. В. Колодочкиной. М.: Молодая гвардия. 2013.
- Ахунова М. А., Лунин Б. В.* История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. Ташкент: ФАН, 1970.
- Бабаджанов Б. М.* Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизованных» и «колонизаторов») // Мусульмане в новой имперской истории: сб. ст. / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. В. Герасимов, С. В. Глебов и др. М.: Садра, 2017. С. 104–156.
- Бартольд В. В.* Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1963–1977. Т. 4. 1966; Т. 9. 1977.
- Бендриков К. Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924). М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.
- Волков И. В.* Железнодорожные коммуникации как фактор развития Русского Туркестана // Пространство и время. 2013. № 3 (13). С. 92–98.
- Вишленкова Е., Галиуллина Р., Ильина К.* Русские профессора. Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение. 2012. 648 с.
- Вишленкова Е., Ильина К.* Наука управлять: господство через знание и реформа управления российским образованием в первой половине XIX в. // *Ab Imperio*. 2017. № 4. С. 65–107.
- Горшенина С.* Закаспийская железная дорога: стандартизация историко-литературных и иконографических репрезентаций Русского Туркестана // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути: сб. ст. Париж: Самарканд: Изд-во Международ. ин-та центральноаз. исслед., 2017. С. 258–273.
- Горшенина С.* Ташкент: (не)экзотический город? // Ориентализм/Оксидентализм: языки культур и языки их описания: сб. ст. / ред.-сост. Е. С. Штейнер. М.: Совпадение, 2012. С. 186–205.
- Горшенина С. М.* Туркомстарис–Среднеазкомстарис–Узкомстарис: формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 52–68.
- Добромыслов А. И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Типолитография О. А. Порцева, 1912.
- Исакова М. С.* Д. И. Нечкин и становление государственной архивной службы Узбекистана (1919–1923 гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 8–13.
- Историческая наука в контексте интеллектуального развития Центральной Азии. Очерки историографии и источниковедения. Ташкент: Yangi nashr, 2014.

- История Ташкента. С древнейших времен до победы февральской буржуазно-демократической революции. Ташкент: ФАН, 1988.
- Котюкова Т. В.* Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016.
- Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII — первой половине XIX века. Дискурс, законодательство, реальность / пер. с нем. А.И. Савина. М.: Политическая энциклопедия, 2018.
- Лунин Б. В.* Востоковедение в республиках Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции // Становление советского востоковедения: сб. ст. М.: Наука, 1983. С. 85–131.
- Лунин Б. В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917). Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1958.
- Лунин Б. В.* Научные Общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX века). Ташкент. Изд-во АН Узбекской ССР, 1962.
- Лунин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Наука, 1965.
- Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент: ФАН, 1979.
- Лыкошин Н. С.* Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг.: Типография Б.Д. Брукера, 1916.
- Остроумов Н. П.* Константин Петрович фон Кауфман — устроитель Туркестанского края: личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент: Типо-лит. Ф. и Г. Бр. Каминских, 1899.
- Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Умняков И. И.* В.В. Бартольд. По поводу 30-летия профессорской деятельности // Бюллетень Среднеазиатского гос. университета. 1926. № 14. С. 175–202.
- Шадманова С. Б.* Медицина и население Туркестана: традиции и новации (конец XIX — начало XX в.) // Историческая этнология. 2017. № 1. С. 119–139.
- Шамукарамова Ф. Ш.* Роль В.А. Вяткина в изучении и сохранении памятников культуры Самарканда // O'zbekiston Tarixi. 2009. № 3. С. 46–51.
- Gorshenina S., Tolz V.* Constructing Heritage in Early Soviet Central Asia: The Politics of Memory in a Revolutionary Context // Ab Imperio. 2016. Vol. 4. P. 77–115.
- Morrison A.* Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13, № 2. P. 327–364.

POPULAR SCIENCE CIRCLES AND SOCIETIES IN COLONIAL AND SOVIET TURKESTAN: IMPERIAL INTELLECTUAL ELITE ON THE MUSLIM PERIPHERIES

Daniil MELENTEV

National Research University

“Higher School of Economics”, Moscow, Russia

E-mail: back-in-95@mail.ru

Melentev D. V. Popular Science Circles and Societies in Colonial and Soviet Turkestan: Imperial Intellectual Elite on the Muslim Peripheries [Nauchno-populyarnie kruzhki i obshchestva v kolonial'nom i sovetskom Turkestane: imperskaya intellektual'naya elita na musul'manskoy okraine]. *Tsentral'naya Evraziya*. [Central Eurasian Studies], 2018, no. 2, pp. 17–36 (in Russian).

Abstract. The article is devoted to intricacies of formation of the European intellectual elite in the Turkestan region of imperial Russia (after 1865). It is viewed through the lens of institutional development, consolidation, extinction and revival of popular science circles and societies. Specifics of revival of popular science societies under the Soviet regime is also addressed by the author. Besides that, the paper deals with attitudes of political regime towards circles and societies during the imperial period and under the Soviets; with how authorities interacted with the intellectual elite of the region; with specifics of involvement of European intelligentsia into the rise of higher education in Turkestan as well as building up of archival service and institutions for the protection of historical and cultural heritage of the region.

Keywords: power and knowledge, history of science, enlightenment, archeology, popular science circles and societies, Turkestan.

References

- Attali, J. 2013. Karl Marks: Mirovoy dukh [Karl Marx: World Spirit] / transl. from French. E.V. Kolodochkina. M.: Molodaya gvardiya.
- Akhunova, M. A., Lunin, B. V. 1970. Istoriya istoricheskoy nauki v Uzbekistane. Kratkiy ocherk [History of Historical Research in Uzbekistan. Short Essay]. Tashkent: FAN.
- Babadzhanov, B. M. 2017. Andizhanskoe vosstanie 1898 goda i musul'manskiy vopros v Turkestane [Andijan Uprising of 1898 and the “Muslim Question” in Turkestan (Views of the «Colonized» and Colonialists)]. In: *Muslims in the New Imperial History* / ed. and comp. V. Bobrovnikov, I. Gerasimov, S. Glebov et al., 104–156. Moscow: Sadra.
- Bartol'd, V. V. 1966, 1977. Writings: in 9 vols. Moscow: Nauka, 1963–1977. Vol. 4. 1966; Vol. 9. 1977.
- Bendrikov, K. E. 1960. Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane (1865–1917) [Essays on the History of Public Education in

- Turkestan (1865–1924)]. M.: Izdatelskiy dom Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR.
- Dobromyslov, A. I. 1912. Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskiy ocherk [Tashkent in Past and Present. Historical Essay]. Tashkent: Tipolithography O.A. Portseva.
- Hirsch, F. 2000. The National Identities. *The Russian Review* 59 (2): 201–226.
- Gorshenina, S. 2012. Tashkent: (ne)ekzoticheskiy gorod? [Tashkent: (not) an Exotic City?] In: *Orientalism/Occidentalism: the Languages of Cultures and the Languages of their Descriptions* / ed. by E. S. Steiner, 186–205. Moscow: Coincidence.
- Gorshenina, S. 2013. Transkaspi'skaya zheleznaya doroga: standartizatsiya istorichskoy literatury i ikonograficheskaya reprezentatsiya Russkogo Turkestana [Trans-Caspian Railway: Standardization of Historical-Literary and Iconographic Representations of Russian Turkestan]. In: *Cultural Transfer at the Intersections of Central Asia: Before, During and After the Great Silk Road*, 258–273. Paris-Samarkand: Izdatelskiy dom Mezhdunarodnogo instituta sredneaziatskikh issledovaniy.
- Gorshenina, S. M. 2013. Turkomstaris–Sredneazkomstaris–Uzkomstaris: formirovanie institutsiy i etnotsentricheskiy razdel kulturnogo naslediya Sredney Azii [Turcomstaris–Sredneazkomstaris–Uzkomstaris: Formation of Institutions and Ethnocentric Division of Cultural Heritage of Central Asia]. *Etnograficheskoye obozrenie* 1: 52–68.
- Gorshenina, S., Tolz, V. 2016. Constructing Heritage in the Early Soviet Central Asia. *Ab Imperio* 4: 77–115.
- Isakova, M. S. 2009. D.I. Nechkin i formirovanie gosudarstvennoy arkhivnoy sluzhby v Uzbekistane (1919–1923) [D.I. Nechkin and Formation of the State Archival Service of Uzbekistan (1919–1923)]. *Natsiona'nye arkhivy* 6: 8–13.
- Istoricheskaya nauka v kontekste intellektual'nogo razvitiya Sredney Azii. Ocherki istoriografii i istochnikovedeniya. 2014. [Historical Science in the Context of the Intellectual Development of Central Asia. Essays on Historiography and Source Study]. Tashkent: Yangi nashr.
- Istoriya Tashkenta. S drevneyshikh vremyon do pobedy fevral'skoy burzhuazno-demokraticheskoy revolyutsii. 1988. [History of Tashkent. From Ancient Times to the Victory of the February Bourgeois-Democratic Revolution]. Tashkent: FAN.
- Kotyukova, T. V. 2016. Ukraina na osobom polozhenii. Turkestan v predverii dramy [Outskirts in a Special Condition. Turkestan on the Eve of Drama]. Moscow: Nauchno-populyarnaya kniga.
- Kusber, J. 2018. Vospitanie elit i narodnoye obrazovaniye v Rossiyskoy imperii XVIII — pervoy polovine XIX veka. Diskurs, zakonodatel'stvo, real'nost [Upbringing of Elites and Public Education in the Russian Empire of the XVIII — First Half of the XIX Century. Discourse, Legislation, Reality] / transl. from German by A. I. Savin. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya.

- Lunin, B. V. 1958. *Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arkheologii v Turkestane. Turkestanskiy kruzhok lyubiteley arkheologii (1895–1917)*. [On the History of Russian Oriental Studies and Archeology in Turkestan. Turkestan Circle of Archeology Lovers (1895–1917)]. Tashkent: Izdatelskiy dom Akademii nauk UzSSR.
- Lunin, B. V. 1962. *Nauchnye Obshchestva Turkestana i ikh progressivnaya deyatel'nost' (konets XIX — nachalo XX veka)* [Scientific Societies of Turkestan and their Progressive Activity (late 19th — early 20th Century)]. Tashkent: Izdatelskiy dom Akademii nauk UzSSR.
- Lunin, B. V. 1965. *Srednyaya Aziya v dorevolyutsionnom i sovetskom vostokovedenii* [Central Asia in Pre-revolutionary and Soviet Oriental Studies]. Tashkent: Nauka.
- Lunin, B. V. 1979. *Srednyaya Aziya v nauchnom nasledii rossiyskikh vostokovedov. Istoricheskiy ocherk* [Central Asia in the Scientific Heritage of Russian Orientalists. Historiographical Essay]. Tashkent: FAN.
- Lunin, B. V. 1983. *Vostochnye issledovaniya v respublikakh Sredney Azii posle Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Oriental Studies in the Republics of Central Asia after the Great October Socialist Revolution]. In: *Formation of Soviet Oriental Studies*, 85–131. Moscow: Nauka.
- Lykoshin, N. S. 1916. *Polovina zhizni v Turkestane. Ocherki o zhizni koren-nogo naseleniya* [Half a Life in Turkestan. Essays on the Life of Native Population]. Petrograd: Typography B.D. Brooker.
- Morrison, A. 2012. *Metropole, Colony, and the Imperial Citizenship in the Russian Empire. Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History* 13(2): 327–364.
- Ostroumov, N. P. 1899. *Konstantin Petrovich von Kaufman — ustroitel' Turkestanskogo kraya. Lichnye vospominaniya N. Ostroumova (1877–1881)* [Konstantin Petrovich von Kaufman — Builder of Turkestan. Personal Memoirs of N. Ostroumov]. Tashkent: Publishing House of F. & G. Kaminskie.
- Shadmanova, S. B. 2017. *Medsitsina i naseleniye Turkestana: traditsii i novatsii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Medicine and Population of Turkestan: Traditions and Innovations (late XIX — early XX centuries)]. *Historicheskaya etnologiya* 1: 119–139.
- Shamukaramova, F. 2009. *Ro' V.L. Vyatkina v izuchenii i sokhranении pamyatnikov kultury Samarkanda* [Role of V. L. Vyatkin in the Study and Preservation of Cultural Monuments of Samarkand]. *O'zbekiston Tarixi* 3: 46–51.
- Tolz, V. 2013. *“Sobstvennyy vostok Rossii”: politika identichnosti i vostokovedeniye v pozdneimperskiy i rannesovetskiy periody* [“Own East of Russia”: Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period] / transl. from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Umnyakov, I. I. 1926. V.V. Bartold. Po povodu 30-letiya professorskoy deyatelnosti [V.V. Barthold. Celebrating the 30th Anniversary of Professorial Activities]. *Byulleten' Sredneaziatskogo gos. universiteta* 14: 175–220.
- Vishlenkova, E. Galiullina, R., Il'ina, K. 2012. Russkie professora. Universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost' [Russian Professors. University Corporativity or Professional Solidarity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Vishlenkova, E., Ilyina, K. 2017. Nauka upravlyat': gospodstvo cherez znaniye i reforma upravleniya rossiyskim obrazovaniyem v pervoy polovine XIX v. [Knowledge to Manage: Domination through Experience and Reforms of the Management of Russian Education in the first half of the XIX century]. *Ab Imperio* 4: 65–107.
- Volkov, I. V. 2013. Zheleznodorozhnye kommunikatsii kak faktor razvitiya Russkogo Turkestana [Railway Communications as a Factor of Development of Russian Turkestan]. *Space and time* 3: 92–98.